

В час, когда солнце клонилось к закату, рыночные площади уже закрылись, и длинные улицы постепенно опустели. Однако в постоялом дворе царила шумная атмосфера праздника: младший принц Цзинь Бо захватил зал, где, распивая изысканные вина, наслаждался песнями и танцами Ху. В холодные зимние месяцы, когда капля воды превращалась в лед, женщина Ху, одетая в легкое, едва прикрывающее ее снежно-белую кожу, шелковое платье, кружилась в великолепном танце, высоко поднимая свою длинную юбку.

В стенах столицы Гаочан наступил комендантский час, и торговцы из постоялого двора не могли покинуть его. Сидя на отшибе, они с восхищением наблюдали за очаровательной танцовщицей и время от времени громко аплодировали, стремясь польстить Цзинь Бо, подлизываясь и демонстрируя всяческое подхалимство. Цзинь Бо, пьяный вдребезги, с пылающим красным от вина лицом радушно пригласил их присоединиться к пиру. Шум и гам разом заполнили зал.

Ли Яоинь в парчовом халате с короткими рукавами, с волосами, собранными в косу, и в кожаных сапогах, была одета как молодой человек. Стоя в углу, она смотрела вниз на великолепный зал и говорила Се Цин и другим своим спутникам:

- Будьте внимательны к младшему принцу, если что-то случится, спасите его жизнь, не дайте ему умереть.

Се Цин спросила:

- Кто захочет убить младшего принца?

Ли Яоинь покачала головой:

- Люди Северного Жун.

.....

До этого несколько напоминаний Ли Яоинь вызвали у Вахан-хана подозрения к Хайду Алиню, и другие принцы также начали остерегаться его, что спровоцировало преждевременный конфликт в правящей семье Северного Жун.

Среди всех принцев Цзинь Бо был самым любимым сыном Вахан-хана, но, к сожалению, он был также самым импульсивным и не самым талантливым. Он всегда был недоволен Хайду Алинем. Когда ему было пятнадцать лет, Хайду Алинь затмил его в день праздника жертвоприношений, и он неоднократно выступал против Хайду Алиня, злословя о нем перед Вахан-ханом.

Теперь, когда коварный план Хайду Алиня был раскрыт, ханская семья Северного Жун неизбежно оказался на грани взрыва, ситуация накалялась...

Цзинь Бо ненавидел Хайду Алиня и уже многие годы и жаждал избавиться от него, чтобы наконец почувствовать облегчение. Однако в этот раз он не остался с братьями в Ятинге и не стал бить тонушую собаку, а замаскировал свою личность и отправился на север в Гаочан. Его цель была очевидна — он хотел попросить о помощи у Юйчи Дамо и тюркской принцессы Ины, чтобы убить Хайду Алиня.

Вахан-хан в молодости был полон амбиций и во главе своего племени быстро возвысился, пройдя путь от бесконечных сражений до великого подъема. С возрастом его стиль стал более осторожным и консервативным, особенно после поражения от Тунмо Луоцзя, что вызвало у него болезненное недоверие к собственным решениям и медлительность в действиях. Даже зная, что Хайду Алинь представляет собой угрозу, он не мог за короткое время решиться убить того, кого считал своим приемным сыном.

Во-первых, Вахан-хан гордился своим происхождением от Божественного волка и считал, что вызов лидеру со стороны воинов племени — это естественное право, закон сильного, где уважение заслуживает только сильнейший. Как лидер, он не мог убить подчиненного только из-за собственных подозрений.

Во-вторых, хотя Хайду Алинь и не был его родным сыном, но за годы боев на юге и на севере, завоевывая одну победу за другой, он заслужил себе репутацию смелого и амбициозного воина, став популярнее других принцев. Хайду Алинь все еще относился к хану с уважением и не показывал признаков неповиновения. Если Вахан-хан начнет слишком сильно давить на него, Хайду Алинь может поднять восстание, и тогда исход борьбы был бы неизвестен. Лучше подождать подходящего момента.

В-третьих, если в правящем доме Северного Жун начнется внутренняя борьба, это приведет к его развалу, и покоренные племена воспользуются этим, чтобы поднять восстание, в результате чего разгорится война между принцами, и земли, завоеванные после многих лет борьбы, перейдут к другим.

«Отец лучше знает своего сына», — Вахан-хан знал, что ни один из его сыновей не сравнится с Хайду Алинем и не сможет вести племя к новым завоеваниям. Он хотел защитить своих сыновей, но как хан Северного Жун, если бы ему пришлось выбирать между благополучием племени и жизнью сына, он выбрал бы первое.

Поэтому, несмотря на подозрения, Вахан-хан так и не смог решиться убить Хайду Алиня. Его сыновья чувствовали по отношению к Хайду Алиню давнюю ненависть, мечтая сожрать его заживо. Вахан-хан медлил с решением, но они больше не могли сдерживаться.

Цзинь Бо пришел в Гаочан, чтобы одолжить солдат.

Ли Йоинь пришла к такому выводу, исходя из своего понимания правящего дома Северного Жун и осознания причин, по которым Хайду Алинь своими руками убил Вахан-хана и его сыновей — другие принцы устроили ему ловушку, чтобы уничтожить его. Элитная кавалерия Северного Жун остается верной хану и обычно не участвует в интригах принцев, поэтому

последним необходимо искать внешнюю поддержку, а принцесса Ина всегда была близка с Цзинь Бо.

Она еще не успела все объяснить Судан Гу, как он сразу понял ее намерения и решил немедленно встретиться с Юйчи Дамо.

Цзинь Бо, скрывая свою истинную личность, позволял своим ближайшим слугам проявлять высокомерие и дерзость, и весь его путь был полон спеси и вычурности. Вероятно, Хайду Алинь уже раскрыл его передвижения. Хайду Алинь жесток и решителен, но в его действиях чувствуется точность. Буря в правящем доме Северного Жун, возможно, уже на носу, и все силы уже погружены в этот хаос, ожидая лишь взрыва.

Им нужно узнать мнение Юйчи Дамо, прежде чем Цзинь Бо прибудет во дворец, и сохранить его жизнь, не допустив, чтобы его убил Хайду Алинь.

...

Ли Яоинь, глядя на окруженного со всех сторон Цзинь Бо в зале, тихонько покачала головой.

Неудивительно, что Хайду Алинь может победить, имея меньше сил, — он уже однажды перехитрил всех своих соперников. Цзинь Бо и его братья уже пытались его убить, зная, что он скрывает свои истинные намерения под видом погружения в праздности и развлечения, и все же он поступает так небрежно, словно боится, что кто-то не узнает о его приезде в Гаочан.

Вероятно, другие принцы уже ищут поддержку в других местах. Если они так же неумело скрывают свои намерения, как Цзинь Бо, Хайду Алинь, возможно, уже догадался об их планах. В конце концов, они смотрят свысока на Хайду Алиня, считая его сиротой без отца и матери, не достойным наследовать титул хана, и даже не ставят его вровень с собой.

Мало того, то народ Северного Жун безоговорочно предан Вахан-хану, это не значит, что они так же преданы его сыновьям.

Внизу звучала музыка пипы, радостная и мелодичная. Ли Яоинь отвела взгляд и повернулась, чтобы вернуться в свою комнату.

Следом за ней шла Се Цин, тихо говоря:

- Я буду сопровождать принцессу в храм Ван.

Ли Яоинь покачала головой:

- В городе комендантский час, и чем нас меньше, тем безопаснее. Юань Цзюэ хорошо знает

городские дороги и сможет доставить меня безопасно. Ты останься в постоялом дворе и жди.

Они втайне встретятся с Юйчи Дамо, стремясь избежать чужих глаз, чем меньше людей, тем лучше.

Се Цин нахмурила брови, но, видя решимость Ли Яоинь, тихо согласилась.

Когда наступило время отправления, Ли Яоинь собрала свои вещи, надела маску, скрыв все лицо и оставив видными лишь глаза, и последовала за Юань Цзюэ, покидая гостиницу через окно на втором этаже. Ли Яоинь не владела боевыми искусствами, и когда она спускалась с земляной насыпи, ее ноги соскользнули. Юань Цзюэ в испуге потянулся к ней, но не успел. Под серебряным светом луны сквозь ночь промелькнула тень, длинная рука протянулась, поймала Ли Яоинь и мгновенно унесла ее вниз с крутого склона.

Это был Судан Гу.

Ветер свистел у нее на ушах, и Ли Яоинь, прижимаясь к крепкой груди Судан Гу, разглядывала в бледном лунном свете четкие очертания его подбородка под маской.

За эти дни она заметила, что, когда она невольно приблизилась к нему, он слегка напрягся — не от смущения, а от непривычки, как будто он никогда не касался женщин. Позже, в пути, когда она чуть не упала, он схватил ее за руку, и его движения стали естественнее.

Видимо, в его глазах она не отличалась от других его телохранителей.

От него исходил легкий запах лекарств.

Ли Яоинь не удержалась и понюхала, но не смогла разобрать, что это за лекарство.

Она еще была в раздумьях, когда ее ноги уже крепко стояли на снегу, который слегка закрипел, когда Судан Гу поставил ее на землю и повернулся, чтобы взять коня, с ловкостью и решительностью в каждом движении.

Ли Яоинь чувствовала себя виноватой, ее тело слегка дрогнуло, и она чуть не упала в снег. Судан Гу обернулся на нее, и в ночи его глаза выглядели как два пруда чистой воды, а взгляд, упавший на ее лицо, казался, обладал определенной силой. Ли Яоинь почувствовала неловкость, ее сердце резко забилося, а щеки слегка покраснели.

Юань Цзюэ стоял под стеной двора и с недоумением смотрел то на Судан Гу, то на Ли Яоинь.

Под взглядом Судан Гу кожа на голове Ли Яоинь онемела, и она поспешила устоять на ногах, стараясь выглядеть спокойной. Сделав несколько шагов, она подошла к коню и вскочила в

седло. Она двигалась слишком быстро и внезапно почувствовала легкое головокружение, и быстро натянула поводья.

Сделав несколько глубоких вдохов, она почувствовала, что Судан Гу отвел от нее взгляд.

Три человека воспользовались ночной тьмой, чтобы выехать на лошадях из длинной улицы, а затем перешли к пешему ходу. Ли Йоинь не знала дороги и вплотную следовала за Юань Цзюэ. После многих изгибов и поворотов местность, казалось, стала опускаться все ниже и ниже. Полчаса спустя они, наконец, подошли к узкому глубокому переулку. Юань Цзюэ постучал в дверь, кто-то подошел открыть, и оба они прошептали на санскрите пароль. Дверь открылась изнутри.

Юань Цзюэ повел Ли Йоинь внутрь. Обернувшись, она обнаружила, что Судан Гу исчез. Он всегда появлялся и исчезал как призрак. Сдерживая свои сомнения, она последовала за Юань Цзюэ внутрь храма.

Храм был широк и величествен, с полами из зеленого камня, сверкающими свечами и тусклыми тенями, которые отбрасывали подсвечники. В темноте ночи настенные росписи казались особенно зловещими.

Ли Йоинь отметила, что устройство храма очень напоминало Центральные равнины.

Они последовали за провожатым по длинному коридору и через несколько пустых дворов до тихой медитационной комнаты, где провожатый с почтением сделал приглашающий жест и тихо произнес Юань Цзюэ:

- Повелитель сказал, что посланники Сына Будды — его гости. Пожалуйста, подождите немного, повелитель скоро придет.

Юань Цзюэ и Ли Йоинь вошли внутрь и только начали подниматься по каменным ступеням, когда Юань Цзюэ внезапно остановился и схватил Ли Йоинь за руку.

В этот момент раздался резкий и внезапный крик, словно холодная вода в горячем масле, мгновенно нарушивший тишину ночи.

Воздух на мгновение застыл. Затем весь храм ожил, ночные птицы проснулись, захлопали крыльями и взмыли в небо. Голоса и шаги раздавались со всех сторон, охранники и воины-монахи выбегали из комнат, бросаясь в направлении звука. Множество факелов скоро слились в несколько огромных «драконов», быстро окружив двор.

Юань Цзюэ в гневе схватил проводника, сжимая его горло:

- Здесь засада?

Проводник пришел в себя, быстро отрицая:

- Повелитель всегда уважал посланников Сына Будды, он радуется каждому визиту. Как он мог бы прибегнуть к такому подлому действию? Сегодня вечером в храме введено военное положение, я не знаю, что произошло!

Юань Цзюэ, не веря в честные намерения, схватил проводника в заложники и быстро покинул внутренний двор.

Они быстро вышли из ворот, и скоро впереди послышался звук легких шагов. Фигура стремительно двигалась к ним, и по звучанию шагов было ясно, что это эксперт. Как только силуэт приблизился, Юань Цзюэ покрылся холодным потом и встал перед Ли Яоинь, собираясь использовать проводника в качестве щита, но тот человек спрыгнул с веранды, и лунный свет осветил его лицо, отражаясь в маске ночного демона.

Юань Цзюэ вздохнул с облегчением, почувствовал, как его дух возвращается на место, и прошептал несколько фраз на санскрите. Судан Гу ответил одной фразой и быстро потянул за собой Ли Яоинь. Она понимала, что ситуация критическая, и без слов последовала за ним.

Юань Цзюэ, держа проводника, спросил:

- Генерал, как поступить с ним?

Трясущийся от страха проводник умолял о пощаде:

- Клянусь Буддой! Наш правитель не устраивал ловушку! Вы — посланники Сына Будды, как он мог подставить вас? Прошу, пощадите! Будда милосерден, если вы убьете невинного, Будда узнает и осудит вас!

За их спинами послышались шаги, и кто-то закричал:

- Там кто-то идет! - и начал преследование, мелькнул свет клинка.

Судан Гу поднял Ли Яоинь на руки и произнес:

- Возьмем его с собой.

Юань Цзюэ кивнул, схватил проводника и, прыгнув на стену двора, исчез в ночной мгле. С другой стороны, Судан Гу, неся на руках Ли Яоинь, пробежался по крышам домов, уверенно оторвался от преследователей и спустился в уединенный узкий переулок, где крики убийц уже не были слышны. У колодца была привязана лошадь, он посадил Ли Яоинь на нее, и вдвоем они помчались по темному переулку, остановившись у угла улицы.

Недалеко раздавались голоса и взметнулось пламя.

Ли Яоинь последовала за взглядом Судан Гу и почувствовала, как ее руки и ноги покрылись льдом: это было в направлении постоянного двора!

<http://tl.rulate.ru/book/72517/3940565>